

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии»

Студент

Р.Р. Сафаров

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

С.В. Кондратюк

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Аннотация

Работа посвящена проблеме, актуальность которой обусловлена необходимостью активизации усилий государства и общества по повышению уровня защищенности от различных проявлений современной преступности, в том числе организованной по иерархическому принципу, особую общественную опасность в которой представляют лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии – статусные преступные лидеры. Актуальность обосновывается необходимостью преодоления высокого уровня преступности, связанным с укреплением преступной иерархии и стремлением лиц определенного круга занять в ней лидирующее положение.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Введение посвящено обоснованию актуальности уголовному преследованию за занятие высшего положения в преступной иерархии, определению целей и задач, объекта и предмета исследования.

В первой главе раскрываются теоретические основы исследования организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Дается определение организационной деятельности статусных лидеров в истории, теории и законодательстве современной России.

Во второй главе рассматриваются меры противодействия организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, проблемы применения и толкования уголовно-правовой нормы, в том числе международно-правовые основы противодействия организованному преступному лидерству.

Заключение предполагает краткое подведение итогов выпускной квалификационной работы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические основы исследования организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	8
1.1 Определение организационной деятельности статусных лидеров преступного сообщества (преступной организации) в теории и законодательстве современной России	8
1.2 История развития организационной деятельности лидеров преступных сообществ (преступных организаций) и борьбы с ней в России	17
1.3 Детерминанты занятия высшего положения в преступной иерархии	24
Глава 2 Совершенствование мер противодействия организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	29
2.1 Высшее положение в преступной иерархии: проблемы применения и толкования уголовно-правовой нормы	29
2.2 Международно-правовые основы противодействия организованному преступному лидерству	35
2.3 Уголовно-правовые средства борьбы с организационной деятельностью лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: аспекты противодействия	40
Заключение	44
Список используемой литературы и используемых источников	46

Введение

Актуальность темы исследования. На современном этапе развития российского общества все еще остается высоким уровень преступности в отдельных сферах [68]. Особую общественную опасность представляют лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии – статусные преступные лидеры. Конкуренция в преступном мире определяет постоянное стремление лидеров преступной иерархии совершенствовать деятельность преступных сообществ, укреплять их в идеологическом, организационном и других направлениях. Особое место в ряду средств борьбы с лидерами преступной среды принадлежит мерам уголовно-правового характера. В отечественном законодательстве закреплена уголовно-правовая норма «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (ст. 210¹ УК РФ).

Изложенное свидетельствует о значительности общественной опасности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Уголовно-правовое обеспечение противодействия занятию высшего положения в преступной иерархии требует четкого определения сферы приложения репрессивного государственного воздействия. Однако в уголовном законе не конкретизированы понятия преступной иерархии и высшего положения в ней. В правоприменительной практике сложившаяся ситуация вызывает трудности в квалификации этого преступления, а также в разработке мер противодействия преступности данного вида.

Указанные обстоятельства подтверждают актуальность темы исследования, направленного на формирование научно обоснованных выводов, предложений и рекомендаций по совершенствованию системы мер противодействия занятию высшего положения в преступной иерархии.

Степень научной разработанности исследования. Теоретико-прикладные уголовно-правовые вопросы борьбы с организованной преступностью в целом и предупреждения занятия высшего положения в преступной иерархии в частности рассматривались в работах таких учёных,

как П.В. Агапов, Е.А. Антонян, С.Д. Белоцерковский, С.В. Бондаренко, В.Н. Бурлаков, Л.Д. Гаухман, А.И. Долгова, Р.В. Закомолдин, С.В. Кондратюк, Р.С. Мацкевич, В.В. Меркурьев, А.М. Моисеев, А.Н. Мондохонов, В.С. Разинкин, П.А. Скобликов, А.В. Шеслер, В.Ф. Щепельков, В.Е. Эминов и других авторов, труды которых составляют теоретическую базу исследования. Отдельные вопросы, которые в той или иной степени касаются темы настоящего исследования, затрагиваются в диссертационных и монографических исследованиях таких ученых, как Е.Г. Алексеенкова (2019 г.), Д.И. Антонов (2019 г.), А.В. Богданов (2015 г.), А.В. Воронцов (2015 г.), М.С. Ефимкин (2015 г.), Р.В. Закомолдин (2020 г.), О.Ю. Исаев (2014 г.), В.М. Курганов (2011 г.), Д.А. Ляпин (2014 г.), В.А. Мазин (2010 г.), И.А. Табаксоев (2008 г.), П.С. Юшкевич (2011 г.).

Безусловно, труды указанных учёных внесли свой вклад в развитие науки уголовного права и практики противодействия занятию высшего положения в преступной иерархии.

Однако в настоящий момент отсутствуют исследования, посвященные проблемам борьбы уголовно-правовыми средствами занятия высшего положения в преступной иерархии. Между тем указанная проблематика является особенно актуальной в условиях, когда вопросы квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии и уголовно-правовое противодействие данному явлению вызывают значительные трудности.

Объект исследования представляет совокупность общественных отношений, возникающих в связи с занятием высшего положения в преступной иерархии, совершаемым ее статусными лидерами, а также в связи с уголовно-правовым противодействием деянию, предусмотренному ст. 210¹ УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Предметом исследования являются теоретические основания, правовые, организационные и методические закономерности такого криминального деяния, как занятие высшего положения в преступной иерархии.

Цель исследования: на основе полученных результатов исследования сущности занятия высшего положения в преступной иерархии, как сложного социально-правового явления, разработать теоритические рекомендации, в целях повышения эффективности противодействия занятию высшего положения в преступной иерархии.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие основные задачи:

- сформулировать определение организационной деятельности статусных лидеров преступного сообщества (преступной организации) в теории и законодательстве современной России;
- провести историко-правовое исследование развития организационной деятельности лидеров преступных сообществ (преступных организаций) и борьбы с ней в России;
- дать характеристику основным детерминантам занятия высшего положения в преступной иерархии;
- обосновать проблемы применения и толкования уголовно-правовой нормы о высшее положение в преступной иерархии;
- раскрыть международно-правовые основы противодействия организованному преступному лидерству;
- сформулировать уголовно-правовые средства борьбы с организационной деятельностью лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: аспекты противодействия.

Методология и методика исследования. В процессе написания бакалаврской работы применялись диалектический метод, метод сравнительно-правового исследования и системного анализа, статистический и социологический методы, юридико-догматический метод, методы синтеза и анализа

Теоретическую основу исследования составили монографическая и учебная литература в области общей теории права, теории уголовного права, и криминологии; статьи в ведущих периодических изданиях; а также

диссертационные исследования, тематика которых не выходит за рамки настоящего объекта исследования

Нормативную базу исследования составили действующее уголовно-правовое законодательство Российской Федерации, другие нормативно-правовые акты, регулирующие исследуемую деятельность.

Научная новизна исследования заключается в том, что теоретические выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем, связанных с организационной деятельностью статусных преступных лидеров, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Структуру работы определили цели и задачи исследования. Работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы исследования организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

1.1 Определение организационной деятельности статусных лидеров преступного сообщества (преступной организации) в теории и законодательстве современной России

Решение проблем со статусными лидерами преступного сообщества (преступной организации), лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, предполагает, прежде всего, уяснение того, что собой представляет данный феномен.

Аргументированные выводы о закономерностях функционирования и изменения организованной преступности обеспечивает высокопрофессиональная информационно-аналитическая работа, базирующаяся на данных криминологических и социально-правовых исследованиях. Именно исследования с последующим аналитическим осмыслением их материалов позволяют получать сведения о специфике организованной преступности, ее характеристиках и тенденциях в конкретных пространственно-временных параметрах, определяющих ее обстоятельства, а так же результативности принимавшихся мер реагирования на нее [55].

В литературе, статусные лидеры преступного сообщества (преступной организации) трактуется многообразно [25]. По мнению одних ученых, «Занятие высшего положения в преступной иерархии представляет собой процедуру подготовки и проведения собрания (воровской сходки), на котором претенденту присваивается статусное положение в преступной иерархии, в соответствии с церемонией, установленной в преступном сообществе и последующим оповещением результатов широкому кругу заинтересованных лиц» [36 с. 90]. Другие исследователи, статусное лидерство интерпретируют следующим образом: «занятие высшего положения в преступной иерархии включает в себя последовательность действий, образующих способ

достижения желаемого преступного результата: выдвижение кандидатуры, принятие решения по ней на воровской сходке, оповещение о присвоении лицу искомого статуса, выполнение им статусных функций» [67, с. 74].

Однако при определении организованной преступности важен акцент не на совокупности преступлений организованных групп или организаций, а на системе организованных преступных формирований управляемых статусными лидерами воровской среды.

По результатам исследований организованная преступность предстает как сложная система организованных преступных формирований, их отношений и деятельности.

Криминологические исследования приводят к выводу, что при реагировании на организованную преступность важно различать два типа организованных криминальных формирований.

Один тип криминальных формирований создается и функционирует для сложной общественно опасной преступной деятельности. Это – организованные группы и преступные организации, формируемые на основе «объединения заранее», с заранее обдуманном умыслом. Организованные группы создаются статусными лидерами воровской среды для совместного совершения преступлений, преступные организации, как правило, с их структурным построением, – для совместной преступной деятельности как сложной системы различных деяний [37].

Последние заключаются не столько в непосредственном нарушении уголовного запрета, сколько в обеспечении системной преступной деятельности и уходе ее субъектов от уголовной ответственности. Такое обеспечение может носить аналитический, информационный, юридический, технический, медицинский и иной характер.

По мнению профессора В.В. Меркурьева, «преступная организация, возглавляема статусным лидером, лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии – это фактически структурированная организованная группа лиц, банда, незаконное вооруженное или иное преступное

формирование, в том числе террористическая, экстремистская и иные криминальные организации, включая коррупционные» [43, с. 25].

Такие организации создаются и функционируют отнюдь не только для извлечения преступных доходов. Ими ставятся и решаются разные задачи, в том числе по обеспечению специфических политических, геополитических, либо сепаратистских, националистических, религиозных, иных интересов.

Канули в лета времена, продолжая свою мысль профессор В.В. Меркурьева, утверждая, что «когда можно было считать исчерпывающим определение организованной преступности как деятельность преступников, объединившихся на экономической основе именно для предоставления незаконных услуг и товаров или для предоставления законных услуг и товаров в незаконной форме» [44, с. 140].

Важен учет того, что лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, владельцы криминальных капиталов никогда не ограничиваются удовлетворением только своих экономических притязаний. Последние закономерно порождают потребности в защите криминальных капиталов, причем как в рамках государства, так и на международном уровне, а также владельцев капиталов от уголовного преследования и трансформации в своих интересах состояния правопорядка [52].

Исследователи очень точно определили динамику развития взаимодействия криминалитета и легального бизнеса: «Некоторые руководители предприятий (в том числе государственных) и банков сами ищут контакта с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, прибегают к их «услугам» для защиты собственного бизнеса, возвращения долгов, коррумпирования госчиновников, силового давления на конкурентов. Уже и иностранные коммерсанты обращаются к представителям российских криминальных структур с просьбой о защите, содействии в возвращении долгов с отечественных предпринимателей. Можно, конечно, отыскать и отдельные положительные моменты немало бывших бандитов ныне выступают в доли солидных бизнесменов и теперь делают деньги

исключительно (или преимущественно) в легальной сфере. Однако капитал криминального происхождения отличается инерционностью и нередко диктует субъектам, вовлеченным в его орбиту, свои условия, т. е. упорно уползает в тень (впрочем, не без помощи налоговой политики государства). И вот теперь уголовные «авторитеты», лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, став учредителями ряда предприятий непосредственно или через третьих лиц, пытаются координировать «теневую» финансово-хозяйственную деятельность в масштабах целых регионов, скрывать получаемую прибыль от налогообложения» [1, с. 55].

По оценке В. Е. Эминова, «преступные организации не всегда вступают в прямую конфронтацию с государством. Один из альтернативных путей состоит в проникновении в органы государственной власти и в коррумпировании их с целью нейтрализации правоохранительных мер. Общая цель: создание такого положения, при котором правительство займет попустительские позиции, и не будет принимать серьезных мер в отношении такой организации или для пресечения ее деятельности» [82, с. 272].

Криминальная деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, совершается по разным мотивам – не только, как это трактуется в части 4 ст. 35 УК, с целью получения «финансовой или иной материальной выгоды».

Также ошибочно ограничение круга преступлений в части 4 ст. 35 УК только теми, деяниями, которые совершаются посредством совершения «одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений» [74]. Организованная преступная деятельность многоаспектна, включает систему преступлений разной степени тяжести.

Немало экономических деяний влекут тяжкие последствия, но не относятся законодателем к числу тяжких или особо тяжких. Например, следовало бы обратить серьезное внимание на преступления средней тяжести. Ими законодателем «признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не

превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, превышает три года лишения свободы» (в ред. Федеральных законов от 09.03.2001 № 25-ФЗ, от 07.12.2011 № 420-ФЗ) [74]. Между тем, к данной категории деяний относятся многие преступления, совершаемые на организованной основе сплоченными криминальными деятелями и подрывающую экономическую основу нации.

Так, часть первая ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» (в ред. Федерального закона от 08.03.2015 № 45-ФЗ) предусматривает: «1. Ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере,» (в ред. Федерального закона от 08.03.2015 № 45-ФЗ) [79] максимально наказывается лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до одного года либо без такового (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ) [78].

Максимальное наказание «лишение свободы на срок до четырех лет» предусматривает часть первая статьи 185.3. «Манипулирование рынком». Ее диспозиция предусматривает деяния, которые нет оснований оценивать, как фактически не тяжкие, ибо речь идет, в том числе, о причинении крупного ущерба гражданам, организациям или государству [80].

У статусных лидеров преступного сообщества (преступной организации), лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в процессе их деятельности неизбежно появляется потребность в консолидации своих усилий, в том числе по противостоянию закону, его трансформации в своих интересах, ограждению себя любыми путями от наказания, проведению собственной «политики».

Преступные организации и преступные сообщества не изолированы друг от друга – как правило, в них действуют одни и те же лица. Другое дело – исполнение такими лицами в данных формированиях разных социальных ролей. В преступных сообществах – это общеорганизационная деятельность, в том числе связанная с продвижением криминальных интересов в органах государственной власти [39, с. 549].

Наиболее известным является сообщество «воры в законе» [32]. Однако ошибочно полагать, что криминальными лидерами являются только «воры в законе» и общественно опасно только их сообщество. Функционируют сообщества других криминальных деятелей. В том числе ранее не судимых, организующих или иным образом поддерживающих криминальную деятельность с использованием либо своего официального положения в структуре власти и других структурах, либо или вместе с тем – с созданием и использованием связей с «нужными людьми», часто во властных структурах, обеспечивающих силовую, информационную и иную поддержку преступной деятельности.

В интернете, СМИ открыто публикуются сведения о криминальных лидерах [47], контролирующих различные территории, места лишения свободы и др. Причем не только в России, но и за рубежом. Характерна одна из публикаций: «Смотрящий» за Екатеринбургом Александр Хабаров. Эта история про человека, который умудрился совместить парадоксально несхожие факты в своей биографии: хорошее образование и кандидатскую диссертацию с лидерством в преступной группировке, борьбу против наркоторговцев с рэкетом и рейдерством, несудимость и подчеркнутую непричастность к тюремно-воровскому сообществу с криминальным контролем за всем Екатеринбургом и областью на протяжении долгих лет» [11].

Имеют свою специфику преступные сообщества преимущественно выходцев из уголовной среды и сообщества экономических, иных преступников, в том числе с участием «белых воротничков» и

«перламутровых воротничков», причастных к высоким властным структурам и масштабному бизнесу транснационального характера с участием государства. Однако в процессе развития деятельности тех и других сообществ их интересы, как правило, переплетаются на базе противостояния закону, правопорядку, а также взаимной поддержки с использованием специфических навыков и возможностей каждого из них. В том числе при необходимости решения проблем бизнеса или доступа к власти с использованием откровенно общеуголовных методов либо в целях развития бизнеса на базе легализации, отмыwania и использования доходов от общеуголовной деятельности. При этом бывшие общеуголовные преступники со временем преобразуются в «бизнесменов», не утрачивая прежних установок и навыков, а экономические преступники используют весь спектр криминальных методов решения проблем, в том числе общеуголовных [23].

По оценке доктора юридических наук Третьякова В.И., «опасность статусных лидеров оргпреступности заключается в том, что они встраиваются в систему официальной регуляции общественных отношений и оказывает на нее (во многом через коррупционные механизмы) двоякое влияние. С одной стороны, они традиционно блокирует исполнение решений, в которых не заинтересована и реализация которых способна причинить ей вред. С другой – все чаще стимулирует официальные структуры к принятию таких решений, которые создают условия для существования и развития самой организованной преступности, тем самым легитимируя прокриминальную политику» [70, с. 125].

Нередко активизация борьбы с экономической организованной преступностью вызывает резкую реакцию представителей бизнеса с упреком, что идет наступление на бизнес. Так, в публикации «Новой газеты» отмечалось: «В ноябре 2018 года именно в администрации президента (а не в офисе Уполномоченного по защите прав предпринимателей, как обычно) прошло заседание Центра общественных процедур «Бизнес против коррупции». Борис Титов и другие настаивают на необходимости смягчения

ст. 210 УК, ставшую жупелом не для «воров в законе», а для бизнеса» [21].

Общественная опасность экономической преступности, особенно организованной, бывает не меньшей, чем преступности насильственной. Следует учитывать, что когда подрывается экономика страны, происходит обнищание населения, у граждан растет недоверие и неуважение к органам власти, под угрозой оказывается национальная безопасность. Такие явления продуцируют различные высоко общественно опасные криминальные явления.

Обращает на себя внимание то, что позиция законодателя не последовательна при оценке разных проявлений организованной преступности. В одних случаях им преступные организации отождествляются с преступными сообществами: ст. 35 УК РФ называется «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)». Тот же подход имеет место в ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» и в ст. 210¹ УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» [74].

Одновременно в ряде статей Особенной части УК РФ преступные сообщества и преступные организации трактуются отнюдь не как одни и те же феномены. Причем их признаки в правовом отношении определяются как-то «неряшливо». В части 1 ст. 205⁴ УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем» говорится: «Создание террористического сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся...», в части 1 ч. 282¹ УК РФ используется иная формулировка: «1. Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц...» [24].

В конце XX – начале XXI в. создавалась новая криминальная ситуация: территории России, отрасли, даже некоторые социальные группы находились под организованным криминальным контролем лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. При этом организованной преступной деятельности в разных формах, прямо или косвенно «покровительствовали»,

участвовали в ней представители официальной власти (государственной, региональной, органов местного самоуправления, правоохраны), ее защиту под лозунгом «деньги не пахнут» обеспечивали успешные высокооплачиваемые адвокаты.

Действующее в России законодательство не позволяет эффективно реагировать на преступные сообщества (преступной организации) и их руководителей, статусных лидеров, лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Показательна следующая информация: «В Подмосковье отпустили 27 задержанных на «сходке» криминальных авторитетов. Согласно информации пресс-службы, сотрудники полиции задержали пять человек. В операции были задействованы сотрудники Управления уголовного розыска ГУ МВД по области и УМВД по городскому округу Домодедово, силовую поддержку оказывали бойцы отряда специального назначения «Гром». «В городском округе Домодедово пресечена так называемая «сходка» участников уголовно-преступной среды, занимающихся вопросами распределения сфер криминального влияния на территориях Тульской и Московской областей», сообщила начальник пресс-службы Татьяна Петрова» [9].

Представляется необходимым принятие Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью». Разработанный в девяностых годах проект дважды принимался Федеральным собранием, но на него накладывалось вето первым президентом России. В начале XXI века был представлен обновленный проект такого закона, но он даже не рассматривался [56].

Таким образом, заведомо провальна с точки зрения борьбы с преступностью точечная ориентация на преследование лидеров криминальной среды, лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, да еще удалившихся от конкретной уголовно-наказуемой деятельности и занимающихся общеорганизационной общественно опасной деятельностью, успешно «отмывающих» криминальные доходы и входящих в кагорту «успешных, влиятельных бизнесменов» с транснациональными связями. Изложенное диктует о своевременности принятия «антиворовского закона»,

необходимость обеспечения системного транснационального реагирования как на организованную преступность в целом, включающего воздействие на обеспечивающую ее инфраструктуру, так и на лиц, занимающие высшее положение в преступной иерархии в частности.

1.2 История развития организационной деятельности лидеров преступных сообществ (преступных организаций) и борьбы с ней в России

В ходе и после завершения Великой отечественной войны на фоне ухудшения социально-экономического положения, в нашей стране наблюдался значительный рост общеуголовной преступности в целом, и такого ее проявления, как бандитизм, в частности. Антисоветская деятельность националистических банд в Западной Украине, Прибалтике, республиках Северного Кавказа, Средней Азии являлась одной из главных причин роста бандитизма в 40-50-е годы. В этой форме бандитизм получил широкое распространение. Другими источниками, подпитывающими рост бандитизма, являлось огромное количество трофейного оружия, голод или общая нехватка продуктов питания, большое количество дезертиров, присоединявшихся к воровским шайкам, уменьшение профессионального ядра правоохранительных органов и прочее [26].

В результате кражи, грабежи, разбойные нападения, убийства и изнасилования фактически захлестнули некоторые районы СССР. Государство столкнулось с серьезным вызовом и было вынуждено решать проблему соблюдения законности в стране. Кроме чисто силовых методов, государство совершенствовало законодательство, в том числе по борьбе с бандитизмом. [10].

В этот период, на фоне объявленного партией достижения развитого социализма и скорого построения коммунизма, организованная преступность

в целом, и бандитизм, в частности, в угоду определенным политическим мотивам представлялся изжитым социальным явлением [8].

К этому были определенные предпосылки, т.к. преступность характеризовалась общей стабильностью и ее уровень в целом был невысок. Усилия правоохранительных органов по искоренению касты «воров в законе» принесли определенные результаты, немногочисленные оставшиеся ее представители отбывали длительные сроки наказания и всячески принуждались к отказу от своего уголовного статуса. Организованная преступность, будучи лишенной государством всеобъемлющей экономической составляющей, фактически ушла в глубокое подполье, где ее представители сконцентрировали свою деятельность на вымогательстве денег и имущества у «цеховиков», организации проституции, распространении наркотиков. В местах лишения свободы ими культивировался и возвращался уголовный уклад жизни и строгое соблюдение уголовных традиции [27].

В результате такого «затишья» в деятельности правоохранительных органов исчезло, как таковое, само понятие «организованная преступность», которое было исключено даже из секретного документооборота. Правоохранительные органы в своей работе ориентировались руководством страны на поддержание стабильно низкого состояния общеуголовной и экономической преступности, что в итоге привело к утере опыта работы в данной области. Случавшиеся факты групповых вооруженных нападений оценивались, как разбойные, и должной квалификации «бандитизм» в большинстве случаев криминальным проявлениям не давалось.

Между тем, плановая экономика СССР, ориентированная на тяжелую промышленность, освоение природных богатств и обеспечение обороноспособности, сектор потребления развивало по остаточному принципу. На фоне растущего потребительского спроса населения, такие сферы экономики, как производство и торговля продуктами питания, первой необходимости, а также промышленными товарами, находились на недолжном уровне и не отвечали требованиям времени. Это положение вещей

привело к появлению такого явления, как «всеобщий дефицит», который в свою очередь фактически являлся драйвером теневой экономики, появлению и концентрации в крупных экономических центрах скрытых миллионеров, упомянутых выше «цеховиков» [28]. Подпольная и в основном криминальная деятельность «цеховиков» в 60-х и 70-х годах XX века, явилась мощной питательной средой для приобретающей силу организованной преступности.

Сигналом для государства о скором возрождении организованной преступности стал так называемый «казанский феномен». В конце 70-х годов прошлого века подростки в Казани спланировали в молодежные организованные преступные группировки, которые в жестоких уличных драках делили между собой сферы влияния. Помимо хулиганских мотивов, члены группировок совершали жестокие вымогательства и разбойные нападения в отношении «цеховиков», как представителей криминальной экономики. Производившийся отбор денег и следующее за ним аккумулятивное преступных сверхдоходов в руках руководителей группировок, показали новый вектор развития организованной преступности, который наглядно проявил себя в форме «бандитизма» периода 90-х годов прошлого века [7].

Объявленная в 1985 году руководством СССР «Перестройка» разрешила индивидуальную и кооперативную деятельность. Дальнейший рост организованной преступности на фоне постоянно ухудшающейся социально-экономической и политической обстановки в стране стал развиваться бурным темпом и в скором времени достиг своего апогея.

В этот же период руководством МВД СССР были предприняты попытки адекватно отреагировать на новые явления в преступности. Они выразились в издании двух приказов МВД СССР от 17 июня 1985 года об усилении борьбы с проявлениями организованной преступности. Данные приказы носили формальный характер и фактически не исполнялись, что было связано с нежеланием менять устоявшиеся методы работы.

Однако резко ухудшающаяся криминогенная обстановка, бурное разрастание бандитских группировок, начавшийся раздел и передел сфер влияния, привели к пониманию в научной и правоприменительной среде необходимости создания подразделений, специализированных на борьбе с организованной преступностью [29].

В дальнейшем, руководством МВД России предприняты кардинальные меры по увеличению штатной численности специализированных подразделений, их финансированию, сформировано Главное управление по организованной преступности МВД Российской Федерации.

Самым знаковым нормативным актом в области борьбы с организованной преступностью, явился Указ Президента РФ от 14 июня 1994 года № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» [76]. Указ напрямую запрещал применять по делам об организованной преступности меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Также предусматривалось задержание по подозрению в совершении преступления данной категории на срок до 30 суток, расширялись возможности оперативно-розыскной деятельности и проведения экспертиз в ходе доследственных проверок. Очевидно, что названный нормативный акт прямо нарушал Конституцию РФ в части соблюдения прав человека. Вместе с тем, следует признать, что реально сложившаяся критическая социально-экономическая и криминогенная обстановка в стране требовала кардинальных и даже жестких мер реагирования. И, безусловно, документ сыграл свою положительную роль в переламывании ситуации на фронте борьбы с принявшей гипертрофированные размеры организованной преступностью [36].

Названными мерами подразделения по борьбе с организованной преступностью и осуществлявшие расследование уголовных дел данной категории специализированные следственные органы (Управления расследования организованной преступной деятельности, осуществляющие свою деятельность в структуре Управлений внутренних дел субъектов

Российской Федерации), наделялись всеми полномочиями для успешного противодействия наплыву захлестнувшей страну организованной преступности [84].

Итогом длительной, напряженной и кропотливой работы всех правоохранительных органов и в первую очередь названных специализированных подразделений, стала постепенная нормализация состояния криминогенной обстановки и снижение уровня организованной преступности в целом. Этому процессу в значительной мере способствовала нормализация политической, социальной и экономической ситуации в стране в целом. В итоге, в 2008 году, руководством МВД России, с целью оптимизации, принято решение о подчинении подразделений по борьбе с организованной преступностью криминальной милиции.

Основной причиной принятия данного спорного решения, называлась нерентабельность содержания дорогостоящей спецслужбы в отсутствие реальной обоснованности продолжения ее существования. Однако совершенно не учитывалось, что будут разобщены целостные подразделения, обладавшие эффективными методами борьбы и профилактики организованной преступности, утеряны оперативные позиции внутри преступных формирований, а также расплылена среди ведомственных подразделений создававшаяся годами материальная база [30].

На современном этапе организованная преступность проявляет себя во многих сферах. В частности, это традиционно наркобизнес, торговля оружием, налоговые и экономические преступления в различных отраслях, организация проституции и прочее [45]. Многие эти преступления совершаются посредством и в тесной взаимосвязи с коррумпированными представителями органов власти и правоохранительных структур. Особого внимания требуют преступления, совершаемые организованными структурами с использованием социальных сетей и компьютерных технологий, последствия от которых имеют особо тяжкие последствия. Большое влияние и распространение получили этнические организованные преступные формирования.

Объективной причиной бурного развития этнической преступности стала внутренняя миграция в границах бывшего СССР и определенная изолированность мигрантов от коренного населения. Представители этнической организованной преступности начинают влиять на все сферы политической, социальной и хозяйственной жизни, получают доступ к управлению экономикой и финансами, в первую очередь в регионах с сырьевой, перерабатывающей промышленности.

Названные явления служат признаками внутреннего преобразования организованной преступности, свидетельствует об активном поиске лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, формирований новых источников сверхдоходов, их легализации и получения власти на всех уровнях. А это, учитывая усиливающееся социальное напряжение в обществе, прямая угроза существования целостного государства [2].

Президентом Российской Федерации озвучены и последовательно претворяются в жизнь планы прорывного развития России, которые определяют развитие на многие десятилетия. Руководству страны для достижения поставленных задач необходимо избавиться от всего мешающего прогрессу, либо минимизировать отрицательное влияние.

Современная организованная преступность и тесно связанные с ней коррумпированные структуры являются значительным сдерживающим фактором развития российского общества [72, с. 97]. Тем самым, следует ожидать кардинальных решений в сфере борьбы с преступностью. Первые шаги по разрешению этой проблемы уже сделаны.

21 февраля 2019 года, Государственной Думой приняты Президентские поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, которые по своему смыслу должны помочь фактически обезглавить и значительно ослабить организованную преступность, в значительной степени разорвать ее связку с представителями коррумпированной власти на местах [78]. После принятия поправок должна последовать значительная активизация работы в этом направлении правоохранительных органов.

В этой связи, нужно прямо и честно ответить на вопрос – насколько имеющиеся и разрозненные специализированные подразделения в структуре криминальной полиции смогут обеспечить достижение конечного результата. И ответ на этот вопрос у большинства профессионалов, имеющих опыт борьбы с организованной преступностью наверняка будет категоричным – нет, в таком виде не смогут [31].

Если обратиться к опыту 90-х годов по организации и функционированию системы РУБОПов, то основным их преимуществом, позволившим обуздать тогда организованную преступность, стала целенаправленная, сконцентрированная под единым руководством оперативно-розыскная и профилактическая деятельность по всему спектру преступной деятельности преступных формирований [46].

Конечно, идеализировать РУБОПы не следует. Общеизвестно, что имели место и откровенные нарушения прав человека, определенное сращивание с бизнесом, его «крышевание». Но тогда, несмотря на все недостатки, результат был достигнут и от распоясавшейся преступности спасались общество и государство.

На современном этапе жизнь выдвигает новые вызовы и задачи, от успешного решения которых зависит будущее нашей страны.

Таким образом, в настоящее время объективно возникла необходимость в формировании эффективной специализированной службы по борьбе с организованной преступностью в целом, и с ее лидерами, лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии.

Очень важно точно определить перечень решаемых задач и введение в действие механизмов действенных надзора и контроля. Это необходимо для недопущения произвола и других перекосов в процессах реагирования на преступность.

1.3 Детерминанты занятия высшего положения в преступной иерархии

Эффективность борьбы с организационными проявлениями статусных лидеров преступной иерархии в решающей мере зависит от выявления особенностей причин и условий развития названных проявлений. В свою очередь, особенности детерминации преступного сообщества (преступной организации) определяются в значительной степени её внутренней спецификой, современными тенденциями и адекватностью мер противодействия ее статусным лидерам.

По мнению доктора юридических наук А.В. Шеслера, «одной из таких тенденций является продолжающийся процесс сращивания преступников с властными и правоохрнительными структурами» [82, с. 115]. Как утверждают авторы и мы не можем с ними не согласиться, «если ещё вчера специфическим содержанием организованной преступности было сплочение собственно преступного мира, то сегодня мы наблюдаем уже симбиоз криминалитета с властью, формирование некоего единого криминального пространства, в котором не только совершаются согласованные преступные действия, но и сами чиновники или правоохранители действуют противозаконно, даже подчас и не прибегая к помощи криминальных авторитетов» [6, с. 14].

Здесь возможны три варианта. В первом случае происходит сговор лидеров преступного сообщества (преступной организации), лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии с представителями официальных структур о совместном совершении преступлений. Это типичная схема, например, рейдерских захватов. Во втором случае преступные элементы используются, например, силовыми органами для совершения преступлений чужими руками в качестве орудий или средств для нелегальной расправы, провокаций или даже физической ликвидации. В третьем случае сами должностные лица используют и/или превышают свои

властные полномочия, совершая преступления с помощью создания преступного сообщества и руководства им. Все три варианта, как известно, широко представлены сегодня в нашей действительности отдельно или в различных комбинациях [32].

Специфика организованной преступной деятельности, как известно, определяется её целевой направленностью на получение сверхдоходов, так как это своеобразная форма нелегального предпринимательства. Поэтому, где и когда возникают зоны и возможности гарантированного и безнаказанного обогащения, там и тогда появляются лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, реализующие свои корыстные интересы. В этом плане неудивительно, что преступные группировки весьма оперативно появляются на территориях крупных строек, внешнеэкономической деятельности, добычи валютоёмких ресурсов и т.д., например, на Дальнем Востоке длительное время предметом повышенного и постоянного интереса организованной преступности являются лесной промысел, добыча морепродуктов и драгоценных металлов, плюс масштабные стройки объектов саммита АТЭС и казино в Приморье [5].

Наращивание мощи и масштабов организованной преступной деятельности, которое не встречает адекватного противодействия со стороны государства, ведёт к неминуемому ослаблению и деградации государственных институтов [40]. Иначе говоря, основной особенностью детерминации организованной преступности является её сильнейшая зависимость от состояния («качества») и силы государства.

Слабое (несостоятельное) государство утрачивает способность поддерживать справедливость и закон, и вследствие этого уподобляется обычной банде, становится бандитской самоорганизацией общества, выстроенной на насилии [51]. Следовательно, главной причиной активности организованной преступности и ее статусных лидеров, является слабость государства, некая дистрофия политической сферы общества.

Почему же в стране ослабло государство, а организованная преступность, наоборот, успешно набирает силу, не встречая адекватного противодействия? Полагаем, что официальная уголовная статистика, свидетельствующая, скорее, об обратном, в силу высочайшей латентности организованных проявлений преступности, фактически регистрирует лишь степень активности правоохранительных органов, нежели реальные тенденции преступности. Кроме того, в 2008 году, когда у нас официально начала складываться антикоррупционная политика, практически синхронно были расформированы подразделения по борьбе с организованной преступностью. Через 5 лет на Круглом столе в Госдуме, специально посвящённом законодательному обеспечению борьбы с организованной преступностью, его участники единодушно расценили это как ошибку [20]. Почему же у нас так и не появился специализированный закон, хотя практически единодушно это было рекомендовано сделать учёными и специалистами? Проект такого закона был в своё время разработан межведомственной рабочей группой под руководством проф. А.И. Долговой [17], но так и не был принят.

Это произошло потому, что в результате политического противостояния в 90-х годах прошлого века победила идеология буржуазного общества потребления с его приоритетом личного материального обогащения как критерием жизненного успеха [41]. Отменённая новой Конституцией государственная идеология де факто никуда не делась, только вместо коммунистической она стала официально не декларируемой капиталистической. Государственный переворот 90-х годов и последовавшее вслед за ним под ширмой приватизации разграбление страны мошенниками и коррупционерами были подготовлены исподволь новой идеологией - коммерческой деформацией общественного сознания. Многими умами овладела идея продать или «продаться подороже». Началась гонка за собственность и власть. В деидеологизированной концепции Конституции, как известно, закреплена только одна высшая ценность – это человек, его

права и свободы. А какой именно человек ценен, какого качества человек ценен? На этот вопрос Конституция ответа не дает. Отрицание самой проблемы ценностей, как программы жизни государства и общества, де факто, постулирует, что этот самый человек – это индивидуалист, живущий вне общества. И в результате кто богаче, кто ближе к административному ресурсу, тот и преуспел [15]. В итоге к власти пришли наиболее последовательные и решительные носители новой идеологии, подмявшие под себя впоследствии политическую, правовую и экономическую политику государства.

На деле, полагаем, такая «модель политического устройства» является, к сожалению, и коррупциогенной и криминогенной, так как позволила (и позволяет) коррумпированным и незаконно послушным лицам, официально находящимся во власти или в тени, беспрепятственно продвигаться вверх и продолжать заниматься противоправной деятельностью [3].

В результате перехода существенной доли государственной собственности в частные руки наше государство, декларируя приверженность общим интересам, трансформировалось, фактически, в государство защиты узкого слоя новых богатых собственников, стало бизнес-проектом кланов, борющихся за власть и собственность на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. В борьбе за власть и, соответственно, ресурсы, наиболее успешными оказались действия, поддерживаемые или инициируемые организованными преступными формированиями. Контролируемая не здоровыми, а близкими к криминалу силами, приватизация, в итоге, захватила и само государство. Как следствие, закономерно возникла следующая цепочка связей: монополия власти – коррупция – неэффективность управления (слабость государства – В.Н.) – безнаказанность – организованная преступность [69].

После того, как криминал проник внутрь государства, стало происходить перераспределение основных источников пополнения криминального бюджета. Обычные статьи доходов, такие как торговля наркотиками, проституция, торговля оружием и т.п., утрачивают в

значительной мере свою традиционную значимость. На первый план выходит сегодня расхищение государственного бюджета. Именно госбюджет становится основной целью и основной добычей криминалитета. В результате ослабленное государство не просто стало зависеть от криминала, оно вынуждено уже само провоцировать криминальные проявления, чтобы продлить свое существование [42].

Действительно, «в России, о богатстве которой не говорил только ленивый, бедность имеет искусственный, рукотворный характер. Она является прямым результатом дурного управления, цинизма и лицемерия правителей, бандитов у власти и огромного, растянувшегося на четыре века самодержавия, не прекращенного и поныне» [62, с. 145].

В специальной литературе много и аргументировано сказано и о таком важнейшем криминогенном факторе как самоорганизация, самовоспроизводство структур организованной преступности как раковой опухоли социального организма. В настоящее время мы наблюдаем метастазы этой опухоли, вероятно, в чём хотелось бы ошибиться, в последней её, четвёртой стадии развития.

Представляется, что новая законодательная инициатива о дополнении УК РФ новой статьей 210¹ УК РФ к такой операции вряд ли может быть отнесена.

Нужны гораздо более масштабные, глубокие и, прежде всего, политические, правовые и организационные решения, при которых российское государство реально повернётся лицом ко всем, а не только избранным людям, и станет действительно социальным и правовым, как это декларируется в Конституции России [34].

В отношении же организованной преступности и ее лидеров, лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии не снят с повести дня вопрос о необходимости принятия федерального специализированного межотраслевого, а не только уголовного, закона.

Глава 2 Совершенствование мер противодействия организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

2.1 Высшее положение в преступной иерархии: проблемы применения и толкования уголовно-правовой нормы

Указывая на ущербность определения организованной преступности через совокупность преступлений, А.И. Долгова в докладе напомнила иное определение [16]. Если вкратце, то организованная преступность – это сложная система организованных преступных формирований (далее ОПФ), их отношений и деятельности. Таким образом, во главу угла ставятся не непосредственные результаты организованной преступной деятельности (совершенные преступления), а ключевые субъекты этой деятельности.

Из процитированного определения вытекает, что основной задачей борьбы с организованной преступностью должно быть не выявление, пресечение, расследование соответствующих преступлений, а разобшение и ликвидация ОПФ. Ибо если они прекратят своё существование – исчезнут и преступления соответствующего вида. А вот привлечение к ответственности отдельных участников ОПФ за некоторую часть совершенных ими преступлений не слишком эффективно [35].

В пользу такого подхода можно было бы привести дополнительный довод. Во многих «успешных» ОПФ периодически меняются участники, руководители, но эти формирования продолжают функционировать, вести организованную преступную деятельность и развиваться. Если обратиться к криминальным летописям, то можно сослаться в качестве яркой иллюстрации на историю так называемого ОПГ «Новокузнецкие» или ОПГ Шкабары, действовавшей в 90-е гг. XX века.

Группировку основал известный в Кузбассе (да и не только в нем) талантливый спортсмен, тренер Лабоцкий – мастер спорта СССР по вольной

борьбе. Соответственно, костяк группировки образовали спортсмены-единоборцы с присущими им психологическими, физическими, интеллектуальными и иными качествами [19].

Группировка динамично развивалась, укреплялась. Через какое-то время ей стало тесно в г. Новокузнецке – крупном промышленном центре страны и самом большом городе Кемеровской области. Там был оставлен филиал, а основная часть группировки переместилась в Москву, где тоже преуспела. Причем потеснила более известную Люберецкую ОПГ, с ней была вынуждена считаться печально знаменитая Солнцевская ОПГ. А в ОПГ "Новокузнецкие" вскоре произошли серьезные изменения: в результате внутренних разборок один руководитель сменил другого. Новый руководитель провел жесткую и масштабную зачистку – убил всех, кого подозревал в приверженности прежнему руководителю и возможном противодействии себе [38]. Но это не привело к какой-либо сдаче позиций данной ОПГ на криминальном рынке. Группировка укрепилась и стала ещё более известной и влиятельной (второе из приведенных выше названий производно от фамилии нового руководителя).

Иными словами, изначально была создана удачная (в криминальном смысле) организация со своими внутренними правилами, отношениями и проч., а эпизодические потери части членов и даже первых руководителей быстро и эффективно восполнялись [33].

После того, как группировка была взята в разработку сотрудниками ГУБОП МВД России, а преступные действия её членов, связи и планы были задокументированы, одновременно в разных местах страны были задержаны и взяты под стражу около 40 активных участников группировки. Иные были объявлены в розыск. Лишь тогда удалось прекратить деятельность данной ОПГ [66].

Однако прослеживается и противоположная закономерность. Существуют талантливые лидеры организованных преступных формирований (ОПФ), обладающие определенным набором характеристик и устойчивыми

криминальными установками. Такие лидеры, где бы они ни оказались, быстро сколачивают вокруг себя новые ОПФ, криминализируют легальные организации, если устраиваются в них работать, и возникает новый коллективный субъект организованной преступной деятельности. А по мере того, как такие лица накапливают криминальный опыт, наработывают себе определенную репутацию в криминальных кругах и среди потенциальных жертв, расширяют связи, их общественная опасность становится всё больше и больше [18].

В исправительную колонию был помещен осужденный, который быстро сколотил вокруг себя ОПГ и уже через месяц после появления в колонии устроил там массовые беспорядки, с которыми руководству колонии и ФСИН России в целом пришлось долго и тяжело разбираться.

Подобных лидеров, наряду с ОПФ, следует относить к субъектам организованной преступной деятельности, а приведенное выше определение организованной преступности дополнить. Выявление и постановка на учет таких лиц, документирование их преступной деятельности и разоблачение, привлечение к ответственности с последующей изоляцией представляют собой ещё одно важное направление борьбы с организованной преступностью (помимо нейтрализации и ликвидации ОПФ). Причем данных лидеров оперативно-розыскным аппаратам надо «вести» непрерывно, во время и после завершения предварительного расследования, в период судебного разбирательства, во время отбытия наказания и после его отбытия, чтобы упреждать возникновение новых ОПФ [63].

Задача усложняется, когда обозначенные лица не совершают и не организуют конкретные преступления лично. Если ОПФ достаточно крупное, они лишь руководят преступной деятельностью, направленной на получение материальной выгоды, в целом, не вникая в детали конкретных преступлений, не зная, кто их соучастники [75].

Законодатель отреагировал на данную проблему. После вступления в силу в 1997 г. нового Уголовного кодекса в этом случае действия лидеров

ОПФ могут быть квалифицированы по ч. 1 ст. 210 УК РФ. А позже законодатель пошел ещё дальше. В 2009 г. он ввел в ст. 210 УК РФ ч. 4, которой предусмотрена повышенная ответственность тех лидеров ОПФ, которые занимают высшее положение в преступной иерархии [60].

В связи данной новацией целесообразно понять замысел законодателя. Если обратиться к пояснительной записке, которой сопровождался представленный в парламент законопроект, то никаких разъяснений нельзя обнаружить, там просто повторяется текст диспозиции ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Думается, надо трактовать замысел, исходя из презумпции добросовестности и профессиональности законодателя. Вероятно, он хотел дифференцировать ответственность преступных лидеров, предусмотреть общую ответственность для опасных лидеров и особую ответственность для наиболее опасных – исходя из того, что на вершине криминальной пирамиды располагаются самые опасные. Вероятно также, он хотел, чтобы в правоприменительной практике наиболее полно реализовывался принцип справедливости. Видимо, одновременно он хотел усилить предупредительный потенциал уголовного законодательства, дать отрезвляющий сигнал тем, кто стремится делать криминальную карьеру и поднимается вверх по иерархической лестнице.

Наблюдаемое положение можно считать косвенным подтверждением оценки, сделанной в своё время известным специалистом в области уголовного права Л.Д. Гаухманом [12]. Он указывал, что квалифицирующий признак в ч. 4 ст. 210 УК только назван, но не определен. Этот признак «сформулирован весьма расплывчато, посредством использования в сочетании терминов, имеющих исключительно криминологическое, а не уголовно-правовое значение, предназначенных для общих - неконкретных и неточных — рассуждений о преступности и преступлениях ... заведомо неприменим в следственной и судебной практике как не поддающийся установлению и доказыванию» [13, с. 173].

За несколько месяцев до появления в уголовном законодательстве рассматриваемой новации был издан Указ Президента РФ (на тот момент это Д.А. Медведев) от 06.09.2008 № 1316 "О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации".

Приведенным Указом функции по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности были возложены на подразделения уголовного розыска органов внутренних дел, а функции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью экономической направленности – на подразделения по борьбе с экономическими преступлениями тех же органов [64].

Вышеописанные события не могли не повлиять (причем исключительно негативно) на практику применения ч. 4 ст. 210 УК РФ в последующие годы.

Справедливости ради следует упомянуть, что в обозначенный период некоторые (пусть и недостаточные) усилия правоохранительными органами в соответствующем направлении предпринимались, и отдельные лидеры криминальной среды привлекались к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ. По крайней мере, в одном случае уголовное дело с такой квалификацией было направлено в суд. Однако обвинительный приговор не состоялся.

Заслуживает внимания позиция Пленума Верховного Суда РФ относительно ч. 4 ст. 210 УК РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [53] наряду с рассмотрением иных вопросов была предпринята попытка разъяснить содержание понятия «высшее положение в преступной иерархии». В п. 26 данного Постановления внимание судов обращается на то, что, решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии». Однако, что такое «преступная иерархия», как ее устанавливать и как определять высшее положение в ней, –

какие-либо последовательные рекомендации в рассматриваемом документе отсутствуют.

Вместе с тем в Постановлении указывается на то, что о лидерстве в преступной иерархии может свидетельствовать наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей.

Обоснованность использования данных признаков для выявления и доказывания высшего положения в преступной иерархии вызывает большие сомнения. Более того, эти рекомендации опасны, ибо они дезориентируют правоприменителя и создают предпосылки для необоснованного ужесточения уголовной ответственности.

Связи преступников с экстремистскими и (или) террористическими организациями предопределяются, в первую очередь, мотивами и направленностью их преступной деятельности, а также наличием и влиятельностью перечисленных организаций в том или ином регионе страны, но, отнюдь положением отдельно взятого преступника в преступной иерархии. Такими связями зачастую обладают рядовые исполнители и пособники.

Что касается коррупционных связей, то ими могут располагать не только лидеры, но и рядовые члены организованного преступного формирования, и даже участники преступных групп, которые закон не относит к организованным. Более того, коррупционные связи могут наличествовать у преступников-одиночек [65]. В крупных организованных преступных формированиях просматривается специализация; коррупционные контакты с представителями органов государственной и муниципальной власти устанавливаются и поддерживаются отдельные члены или даже подразделения преступного формирования, а их лидеры непосредственно в таких контактах не участвуют.

Таким образом, сформулированные выше задачи, обусловленные необходимостью усовершенствования и эффективного применения нормы,

предусмотренной ч. 4 ст. 210 УК РФ, сохраняют свою актуальность для юридической науки, законодателей и лиц, причастных к законотворческому процессу, Верховного Суда РФ, нижестоящих судов и правоохранительных органов, имеющих отношение к применению указанной нормы.

2.2 Международно-правовые основы противодействия организованному преступному лидерству

В современном мире, как для безопасности отдельно взятого государства, так и для мирового сообщества в целом серьезную угрозу приобрела организованная преступность, и прежде всего транснациональная организованная преступность.

Согласно Конвенции ООН от 15 ноября 2000 года [22], против транснациональной организованной преступности, под ней понимается организованная преступность, выходящая за пределы одной страны при условии выполнения как минимум одного из следующих критериев, если:

- оно совершено более чем в одном государстве;
- оно совершено в одном государстве, но значительная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;
- оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве;
- оно совершено в одном государстве, но его преступные последствия в значительном объеме имеют место в другом государстве.

Проблемы борьбы с организованной преступностью и ее статусными лидерами, лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, стоят перед любым государством мира в том числе и перед европейскими странами. По мнению европейских средств массовой информации, «сети организованной преступности плотно опутали не только Германию, но и всю

Европу [77]. Неудивительно, что в 80 процентах расследований «ниточки» ведут также к преступникам, находящимся за пределами ФРГ. Согласно обнародованным данным, более 122 стран являются местом их деятельности» [14].

Особую актуальность для решения задач, связанных с противодействием организованной преступности в России, приобретает изучение соответствующего опыта зарубежных государств. Для этого важно проанализировать понятие и сущность организованной преступности в ФРГ, охарактеризовать ее признаки и современное состояние.

Если рассматривать проблемы, связанные с организованным преступным лидерством в ФРГ, то можно отметить, за последние годы количество правонарушений, совершенных организацией (более 3 человек), «заметно выросло... вот только не совсем по вине немцев. При этом, учитывая, что в ФРГ из 82 миллионов жителей «только» 9,1 миллионов (или около 11 процентов) – иностранцы, то получается, что, статистически выражаясь, на 11 процентов иностранцев приходится совершение двух третей всех уголовных правонарушений. Кстати, по сравнению с показателями 2014 года сами немцы, наоборот, стали реже нарушать закон».

Так согласно отчету Федерального ведомства уголовной полиции, в 2016 году иностранные граждане составили две трети из 8765 подозреваемых в совершении преступлений на территории Германии. Организованная преступность в Германии носит явный отпечаток действий международных групп. По имеющимся данным, в 80 процентах предварительных расследований нити ведут за рубеж [50].

«Организованная преступность» – обобщающий термин для обозначения группировок, систематически преследующих преступные цели. Для криминологов Германии данный термин имеет более точное определение:

«Организованная преступность – обусловленное стремлением получения прибыли или власти планомерное совершение противоправных действий, имеющих - по отдельности или в совокупности – существенную

значимость, при условии, что в них на протяжении длительного или неопределенного периода времени действует сообщество более двух участников, каждый из которых выполняет собственную функцию:

- с использованием промышленных или псевдокоммерческих структур;
- с применением насилия либо других средств запугивания, или
- оказывающих влияние на политику, средства массовой информации, органы государственного управления, органы юстиции или экономику. Данный термин не распространяется на противоправные действия, связанные с терроризмом» [61].

В отличие от террористических актов, которые предполагают совершение противоправных действий для достижения политических целей, преступления в рамках организованной преступности, характеризуются своей целью - получение дохода, прежде всего материального [71]. Таким образом, преступления, не ориентированные на извлечение финансовой или иной материальной выгоды (напр. по политическим или религиозным мотивам), не подпадают под определение организованной преступности. Поэтому Уголовный Кодекс ФРГ также проводит различие между организованной преступностью (§ 129, «Формирование преступных объединений») и терроризмом (§ 129а, «Формирование террористических объединений»).

В реальности же провести различие между этими разными формами достаточно сложно, поскольку террористические группировки все чаще прибегают к услугам организованной преступности для финансирования своей деятельности или налаживания связей с сетевыми преступными структурами, которые могут быть полезными, например, при покупке оружия. Для организованной преступности, в свою очередь, налаживание связи с террористическими группами тоже может быть выгодным, поскольку в большинстве государств за совершаемые последними противоправные действия следует совсем не такое наказание, как за «обычные преступления».

Организованная преступность выступает в организационных формах с иерархической структурой, хотя имеют место и функционально дифференцированные организационные формы, структуры которых схожи с сетевыми. Вне зависимости от формы, часто дополнительной поддержкой преступных организаций служит общность, основанная на этнической солидарности, языке, обычаях, социальном и семейном бэкграунде. Так между отдельными членами группировки создается система личных и деловых связей, используемых в преступных целях, и в этой системе зачастую существуют очень прочные отношения, базирующиеся на авторитете и зависимости, а также возможности наказания отступников [81].

Учитывая плановый характер такой ориентированной на долгосрочную перспективу деятельности, а также наличие псевдокоммерческих структур (систематический сбыт добычи, работа под заказ, точное планирование, выяснение потребностей рынка), не приходится удивляться «профессиональному» исполнению большинства преступлений, совершаемых в рамках организованной преступности. Для обеспечения секретности структуры группы и противодействия идентификации входящих в нее лиц нередко используются подставные лица.

Характерным признаком организованной преступности является помощь членам группировки со стороны организации. Это может выражаться, например, в привлечении услуг дорогих адвокатов, внесении больших сумм залога, помощи в организации побегов, запугивании других участников судебного процесса и предоставлении свидетелей, дающих показания в пользу обвиняемого.

Присутствуют элементы конспирации, такие, как, например, использование псевдонимов или кодов, пользование несколькими картами мобильной связи одновременно [73]. От внешнего мира организованные преступные группировки зачастую просто отгораживаются, это находит выражение в создании механизмов решения внутренних конфликтов без обращения в полицию и нежелании их членов давать показания. Во избежание

привлечения к уголовной ответственности и возникновения других подобных проблем часто используются коррупционные отношения и создаются отношения зависимости (это может быть секс, дача денег в долг под огромные проценты, азартные игры), дающие возможности для шантажа.

Получаемые от организованной преступной деятельности доходы преимущественно направляются в легальную экономику путем их отмыwania. Это может происходить с использованием собственных или сторонних легальных предприятий, подставных (оффшорных) компаний или через банковские счета.

Благоприятствующие факторы: организованная преступность процветает, прежде всего, там, где государственные структуры – правительство и полиция – или законы имеют очень слабое влияние либо вообще не работают. Как правило, это имеет место во время экономических кризисов, политических переворотов или социальных беспорядков. При таких обстоятельствах преступные организации могут рассчитывать на вмешательство со стороны полиции и других правоохранительных органов только в редких случаях [83].

Организованная преступность особенно интенсивно пускает корни в обществах (этнических) меньшинств, которые зачастую отвергают роль государства и государственных органов. Кроме того, в обществах меньшинств более сильно выражены социальные структуры, играющие роль основы для организованной преступности.

Таким образом, организованная преступность оказывает дестабилизирующее действие на внутреннюю безопасность, государственный порядок и функциональность экономического уклада. Поскольку борьба с ней требует огромных средств, создаются возможности возникновения параллельных обществ и территорий, на которых не действуют законы. Высокая степень присутствия организованной преступности в обществе может обусловить недостаточное применение права соответствующим государством и, соответственно, утрату уважения к нормам правопорядка.

2.3 Уголовно-правовые средства борьбы с организационной деятельностью лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: аспекты противодействия

В настоящее время организационная деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, продолжает оставаться одной из основных угроз национальной безопасности России. Подтверждением этому может служить, в том числе, находящийся в настоящее время на стадии принятия проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» (проект № 645492-7) [57].

Как отмечают разработчики законопроекта, наиболее опасные и тяжкие преступления совершаются организованными преступными сообществами. Лидеры преступных сообществ (преступных организаций), лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность. При этом благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности [54].

В этой связи, уголовное законодательство дополнено статьей 210¹, устанавливающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Необходимость совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с организованной преступностью неоднократно обсуждалась и обсуждается представителями юридической науки и практики, занимающимися вопросами борьбы с организованной преступностью, в том

числе в ходе научно-практических конференций и семинаров различного уровня, и широко освещена в специальной литературе [17].

В этой связи, стремление законодателя повысить эффективность уголовно-правового регулирования борьбы с организованной преступностью и совершенствовать нормативную правовую базу борьбы с ней заслуживают положительной оценки. Вместе с тем, при теоретическом рассмотрении предлагаемых законодательных изменений возникает ряд вопросов, требующих дальнейшего обсуждения. Диспозиция введенной законодательной новеллы лаконична и определяет уголовно-наказуемым именно факт занятия высшего положения в преступной иерархии, без каких-либо дополнительных признаков. При этом понятия «высшее положение» и «преступная иерархия» в законопроекте не раскрываются.

Следует отметить, что ч. 4 ст. 210 действующего Уголовного закона предусматривает уголовную ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК России.

При этом действующая редакция уголовного закона также не содержит примечаний о том, как понимать «высшее положение» и «преступную иерархию» для целей уголовно-правового регулирования. Уместно напомнить, что ч. 4 ст. 210 УК России была введена Федеральным законом от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Указанные законодательные изменения стали предметом активного обсуждения среди ученых, занимающихся исследованиями вопросов борьбы с организованной преступностью [48]. Так, если одни исследователи полагали, что специальным субъектом ч. 4 ст. 210 УК России являются «воры в законе», являющиеся лидерами организованной преступной среды [4], то, по мнению других авторов, лица, являющиеся «ворами в законе», не во всех случаях занимают высшее положение в

преступной иерархии, поскольку это определяется особенностями преступной деятельности конкретного лица, имеющего статус «вора в законе» [49].

В этой связи, прогнозируемо, что принятый в настоящее время закон, ст. 210¹ УК России, вскоре также станет предметом обсуждения, в первую очередь, криминологов, специалистов в области уголовного права и практических работников подразделений правоохранительных органов, специализирующихся на борьбе с организованной преступной деятельностью.

Например, неясно, каким образом подлежит доказыванию, что конкретное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии. Представляется, что отсутствие закрепленного законодательного термина «преступная иерархия» и «высшее положение» делает данные правовые конструкции в контексте ст. 210¹ неопределенными, а, следовательно, предоставляет правоприменителю возможность для свободного толкования данных терминов [59].

Например, неясен масштаб и характер преступной иерархии: иерархия в преступном сообществе (преступной организации)? Или иерархия в организованной группе как составной части преступной организации тождественной преступному сообществу по смыслу действующего Уголовного закона? Или речь идет о преступной иерархии в преступном сообществе в широком смысле, действующем в стране и за ее пределами?

Для признания факта занятия высшего положения в преступной иерархии, в целях квалификации по ст. 210¹, достаточно «регионального» авторитета субъекта указанной законодательной новеллы, или необходимо его признание преступным сообществом на всей территории страны, или за ее пределами? Кто должен подтвердить высшее положение лица в преступной иерархии, каким образом? Или достаточно данных оперативного учета? А если привлекаемое к ответственности по ст. 201¹ лицо отрицает или иным образом не подтверждает свою причастность к преступной иерархии, наличие высшего положения в ней? Вместе с тем, речь идет о криминализации и пенализации общественных отношений, следовательно, о возложении на

граждан определенных обязанностей в рамках реализации охранительной функции уголовного права и уголовного закона.

Следует заметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в качестве основания привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК России как специального субъекта, занимающего высшее положение в преступной иерархии, предлагает рассматривать не сам факт наличия у лица высшего положения в преступной иерархии (фактически, криминального статуса), а преступные действия конкретного лица, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве [58].

Указанная позиция Верховного Суда Российской Федерации логична, если учитывать, что в настоящее время правовая конструкция ст. 210 УК России сформулирована таким образом, что борьба с организованной преступностью ведется через установление обстоятельств совершения конкретного преступления, а не широкомасштабной организованной преступной деятельности.

Таким образом, положительно оценивая инициативы по дальнейшему совершенствованию отечественного законодательства по борьбе с организованной преступностью и ее проявлениями, представляется, что указанные инициативы должны опираться на результаты проведенных криминологических и социально-правовых исследований, учитывать рекомендации научного юридического сообщества и передовой опыт зарубежных государств по борьбе с организованной преступностью.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы о проделанной работе и сформулировать предложения и практические рекомендации.

Установлено, что реалии сегодняшнего дня диктуют о своевременности принятия так называемого «антиворовского закона», в том числе необходимость обеспечения системного транснационального реагирования как на организованную преступность в целом, включающего воздействие на обеспечивающую ее инфраструктуру, так и на лиц, занимающие высшее положение в преступной иерархии, в частности.

Подчеркнуто, что заведомо провальна с точки зрения борьбы с преступностью точечная ориентация на преследование только лишь лидеров криминальной среды, лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в настоящее время удалившихся от конкретной уголовно-наказуемой деятельности и занимающихся общеорганизационной общественно опасной деятельностью, успешно «отмывающих» криминальные доходы и входящих в кагорту «успешных, влиятельных бизнесменов» с транснациональными связями.

Акцентируется, что в настоящее время объективно возникла необходимость в формировании эффективной специализированной службы по борьбе с организованной преступностью в целом, и с ее лидерами, лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, в частности. Нам предстоит очень важно точно определить перечень решаемых задач и введение в действие действенных механизмов надзора и контроля. Это необходимо для недопущения произвола и других перекосов в процессах реагирования на преступность.

Обосновано, что после того, как криминал проник внутрь государства, стало происходить перераспределение основных источников пополнения криминального бюджета. Обычные статьи доходов, такие как торговля

наркотиками и оружием, проституция и так далее, утрачивают в значительной мере свою традиционную значимость для криминалитета. На первый план выходит сегодня расхищение государственного бюджета. Именно госбюджет становится основной целью и основной добычей криминалитета. В результате ослабленное государство может не просто зависеть от криминала, а будет вынуждено уже само провоцировать криминальные проявления.

Установлено, что организованная преступность оказывает дестабилизирующее действие на внутреннюю безопасность, государственный порядок и функциональность экономического уклада. Поскольку борьба с ней требует огромных средств, создаются возможности возникновения параллельных обществ и территорий, на которых не действуют законы. Высокая степень присутствия организационной деятельности статусных лидеров, лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, может обусловить недостаточное применение права государством и соответственно, утрату уважения к нормам правопорядка.

Акцентируется, что необходимость усовершенствования и эффективного применения норм, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210¹ УК РФ, сохраняют свою актуальность для юридической науки, законодателей и лиц, причастных к законотворческому процессу, Верховного Суда РФ, нижестоящих судов и правоохранительных органов, имеющих отношение к применению указанных норм.

На основании обобщения изложенного, считаем необходимым обратить внимание на то, что положительно оценивая инициативы по дальнейшему совершенствованию отечественного законодательства по борьбе с организованной преступностью и ее проявлениями, представляется, что указанные инициативы должны опираться на результаты проведенных криминологических и социально-правовых исследований, учитывать рекомендации научного юридического сообщества и передовой опыт зарубежных государств по борьбе с организованной преступностью.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агапов П.В. Организованная преступность в современной России: состояние, тенденции и меры прокурорского реагирования // Вестник Юридического института МИИТ. 2019. № 3(27). С. 54-61.
2. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2013. 452 с.
3. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2014. 41 с.
4. Белоцерковский С.Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью и научные основы ее оптимизации. М., 2011 С. 29.
5. Бондаренко С.В. Криминологическая характеристика групповой преступности в пенитенциарных учреждениях и меры противодействия ей: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Москва, 2017. 35 с.
6. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // Криминалистика. 2020. № 2(31). С. 14-19.
7. Бычков В.В. Вооруженность банды: совершенствование нормативной базы по противодействию бандитизму // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №. 10. С. 67-70.

8. Бычков В.В. Криминологические особенности проявления бандитизма в Российской Федерации // Научный вестник Днепропетровского государственного университета внутренних дел. 2013. № 1(65). 267-274.

9. В Подмосковье отпустили 27 задержанных на «сходке» криминальных авторитетов // <https://ria.ru/20181002/1529782445.html> (дата обращения: 13.02.2022).

10. Воробьева Е.Е. Амнистия 1953 года по данным статистической отчетности Гулага: структура и динамика процесса // Историческая информатика. 2021. № 1(35). С. 1-10.

11. Все об Александре Хабарове, криминальном авторитете ОПГ «Уралмаш» // <https://fsin-pismo-gid.ru/istoriya/vse-ob-aleksandre-habarove-kriminalnom-avtoritete-org-uralmash> (дата обращения: 22.03.2022).

12. Гаухман Л.Д. Избранные труды Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юридический центр», 2016. 800 с.

13. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Центр ЮрИнфоР, 2010. С. 554.

14. Германия несёт большие убытки из-за организованной преступности // <https://aussiedlerbote.de/2017/08/> (дата обращения: 15.03.2022).

15. Государственная идеология и современная Россия : Материалы Всероссийской научно-общественной конференции, Москва, 28 марта 2014 года / Центр научной политической мысли и идеологии; Редакционно-издательская группа: С.С. Сулакшин (руководитель), В.Э. Багдасарян, В.Н. Лексин. – Москва : Наука и политика, 2014. 1155 с.

16. Долгова А. И. Коррупция и организованная преступность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1(1). С. 22-28.

17. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 354-360.

18. Закомолдин Р.В. К вопросу о нормативном определении понятия и сущности квалификации преступлений // Гуманитарные балканские исследования. 2020. Т. 4. № 1 (7). С. 89-92.

19. Закомолдин Р.В. Критерии выбора обстоятельств, используемых в качестве квалифицирующих преступление признаков // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3, № 3 (5). С. 116-120.

20. Законодательное и практическое противодействие организованной преступности. Материалы круглого стола. М., 2014.

21. Как силовики превращают Уголовный кодекс в орудие преступления // <https://novayagazeta.ru/articles/2019/03/10/79822-lovushka-210> (дата обращения: 13.02.2022).

22. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ, 04.10.2004, № 40, ст. 3882.

23. Кондратюк С.В. Аспекты противодействия занятию высшего положения в преступной иерархии: судебно-психологическая экспертиза // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. Москва: РГ-Пресс, 2021. С. 173-177.

24. Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 51-57.

25. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8(1042). С. 49-53.

26. Кондратюк С.В. Информационные источники следственной и судебной профилактики преступного занятия высшего положения в преступной иерархии // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции: сборник материалов I Всероссийской

научно-практической конференции. Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 303-308.

27. Кондратюк С.В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (44). С. 24-30.

28. Кондратюк С.В. Криминологическая профилактика занятия высшего положения в преступной иерархии // Криминологические чтения: сборник материалов XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Прокуратуры России / науч. ред. Э.Л. Раднаева; отв. ред. Н.С. Маркова. - Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. Т. 1. С. 258-264.

29. Кондратюк С.В. Ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии // Борьба с криминальными рынками в России: законодательные и правоприменительные проблемы реализации положений конвенции ООН против транснациональной организованной преступности: сборник материалов межведомственной научно-практической конференции. Москва: [б. и.], 2020. С. 99-104.

30. Кондратюк С.В. Признаки субъекта ответственности за преступление, предусмотренное статьей 2101 УК РФ // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности: сборник материалов круглого стола / под ред. В.К. Дуюнова, Р.В. Закомолдина. - Самара : Самарама, 2020. С. 97-101.

31. Кондратюк С.В. Система и системность использования квалифицирующих признаков преступления // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 112-115.

32. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2(98). С. 193-199.

33. Кондратюк С.В. Способ занятия высшего положения в преступной иерархии // Проблемы юридической науки и практики: взгляд ученых: сборник статей участников XI научно-практической конференции. Тбилиси : [б. и.], 2021. С. 84-88.

34. Кондратюк С.В. Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3 (46). С. 26-35.

35. Кондратюк С.В. Судебно-психологическая экспертиза в расследовании преступного лидерства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 4 (43). С. 5-9.

36. Кондратюк С.В. Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: концептуальный подход // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 10. С. 88-94.

37. Кондратюк С.В. Занятия высшего положения в преступной иерархии: постановка проблемы // Вестник науки. 2019. № 09. С. 18-24.

38. Кондратюк С.В. Уголовно-правовые аспекты квалификации деяний соучастников преступного сообщества (преступной организации) // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сборник статей участников XII научно-практической конференции. Москва: [б. и.], 2020. С. 43-47.

39. Криминология: Учебник / П.В. Агапов, О.С. Капинус, Т.А. Боголюбова [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. - Москва : Издательство Юрайт, 2020. 1131 с.

40. Лачин А.А., Лачина Е.А. Некоторые аспекты уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, // Ученые записки. 2019. № 2(30). С. 83-85.

41. Личность преступника и профилактика преступлений / Ю.М. Антонян, Е.А. Антонян, О.Р. Афанасьева [и др.]; под ред. Ю.М. Антоняна. – Москва : Проспект, 2017. 224 с.

42. Мацкевич Р.С. Научное обеспечение правоохранительной деятельности в сфере экономики: экономико-правовой аспект: Монография / Р.С. Мацкевич, В.Н. Анищенко, Е.В. Анищенко. - Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. 220 с.

43. Меркурьев В.В. Коррупция, организованная преступность и правоохранительные органы // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы, Москва, 27-28 января 2015 года / Российская криминологическая ассоциация. Москва : Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2015. С. 24-30.

44. Меркурьев, В.В. Способы преодоления противодействия расследованию организации преступного сообщества (преступной организации) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2-1. С. 136-144.

45. Моисеев А.М. Криминалистические признаки наркосбыта посредством интернета // Балканское научное обозрение. 2017. № 1. С. 43-46.

46. Моисеев А.М. Профилактика преступлений в структуре судебно-экспертных технологий // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 2 (31). С. 367-371.

47. Моисеев А.М. Возможности получения доказательственной информации при расследовании интернет-преступлений // Гуманитарные балканские исследования. 2017. № 1. С. 41-43.

48. Мондохонов А.Н. Организация преступного сообщества (преступной организации): новая редакция ст. 210 и 35 УК РФ // Сибирский юридический вестник, 2009. 4 (47). С. 45-48.

49. Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 182-184

50. Организованная преступность в Германии с иностранным акцентом // <https://business-swiss.ch/2016/10/organizovannaya-prestupnost-v-germanii/> (дата обращения: 15.04.2022)

51. Пастухов В. Можно ли возродить Россию с помощью мафии? // <https://nsportal.ru/video/2014/04/vpastukhov-mozhno-li-vozrodit-rossiyu-s-pomoshchyu-mafii>. (дата обращения: 25.03.2022).

52. Пенитенциарная криминология: Учебник / Е.А. Антонян, Ю.М. Антонян, Н.С. Артемьев [и др.]; Федеральная служба исполнения наказаний; Академия ФСИН России. 2-е издание, исправленное и дополненное. - Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. 304 с.

53. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // «Российская газета», № 130, 17.06.2010.

54. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». // <http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7>, дата обращения 15.02.2019.

55. Преступное лидерство: опыт социологического исследования / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, С.В. Кондратюк, В.Ю. Тарасов // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1. С. 18-29.

56. Проект Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» – <http://crimas.ru/?p=1555>. Опубликовано в книге Долговой А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011.

57. Проект Федерального закона № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» // <https://sozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 14.02.2019

58. Пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) / Справочная правовая система Консультант-Плюс // <http://www.consultant.ru/online> дата обращения 03.02.2022.

59. Рагулин А., Фефелов В.О. понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 69.

60. Разинкин В.С. «Воры в законе» и преступные кланы. Москва: Криминологическая ассоциация, 1995. 104 с.

61. Серебренникова А.В. Уголовное право Германии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры Москва : Издательство Юрайт, 2019. 124 с.

62. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144-152.

63. Скобликов П.А. Оптимизация борьбы с организованной преступностью и коррупцией посредством парламентского контроля // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 70-78.

64. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его предпосылки, толкование и применение. Москва : Норма, 2021. 168 с.

65. Скобликов П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4(27). С. 43-51.

66. Скобликов П.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с организованными и иными криминальными проявлениями в сфере имущественных споров в современной России: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Москва, 2001. 410 с.

67. Степурина Е.Д. Высшее положение в преступной иерархии: криминологическая характеристика лица, проблемы квалификации и доказывания / Е.Д. Степурина, Д.В. Грицай, С.Медведев // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2021. № 4-2(36). С. 73-75.

68. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

69. Сулакшин С.С. Российское государство превращается в криминальное // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2018. Т. 13. № 1. С. 143-165.

70. Третьяков В.И. Организованная преступность и легализация криминальных доходов: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 2009. 363 с.

71. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Малешина, А.В. Серебренникова; Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, юрид. ф-т. - М.: Статут, 2019. С. 135.

72. Уголовное право России. Особенная часть в 2 Т. том 1: Учебник / Э.Н. Жевлаков, А.В. Наумов, П.В. Агапов [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. 593 с.

73. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). Учебное пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. - М. : Зерцало, 1997. 192 с.

74. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

75. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.03.2010) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 35, ст. 951.

76. Указ Президента РФ от 14.06.1994 № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 804.

77. Федеральное ведомство уголовной полиции Германии «Организованная преступность – федеральный обзор за 2017 год». 1 августа 2018, с. 13.

78. Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // «Собрание законодательства РФ», 08.04.2019, № 14 (часть I), ст. 1459.

79. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 12.12.2011, № 50, ст. 7362.

80. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (с изменениями и дополнениями) // «Собрание законодательства РФ», 12.12.2011, № 50, ст. 7362.

81. Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // «Собрание законодательства РФ», 02.08.2010, № 31, ст. 4193.

82. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1(42). С. 110-123.

83. Эминов В.Е. Концепция борьбы с организованной преступностью в России // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 261-283.

84. Эминов В.Е. Организованная преступность и коррупция: российские реалии и пути противодействия. Москва : Проспект, 2019. 96 с.